

СОВЕТСКАЯ РОССИЯ
г. Москва

25 АПР 1982

репортаж, хроника, сп

ПОДАРИЛ ПЕСНИ-ЖЕМЧУЖИНЫ

К 80-летию со дня рождения В. П. Соловьева-Седого

Василий Павлович Соловьев-Седой — выдающийся наш композитор, народный артист СССР, лауреат Ленинской и Государственных премий, Герой Социалистического Труда. Он вписал одну из самых ярких страниц в историю советской песни. Создал более 400 песен, музыку к балетам «Тарас Бульба», «В порт вошла «Россия», написал семь оперетт и музыкальных комедий, среди которых — «Самое заветное», «У родного причала»...

Музыка Соловьева-Седого звучала более чем в пятидесяти фильмах: вспомним хотя бы «Марш нахимовцев» в кинокартине «Счастливого плавания», песни из «Небесного тихохода», «Первой перчатки»...

В любую пору жизни Родины сердце Соловьева-Седого билось в унисон с народными чаяниями. В годы Великой Отечественной войны его глубоко человеческая песня прошла с народом дорогой тяжелейших испытаний, облегчала страдания, согревала сердца. «Играй, мой баян», «Соловьи», «Вечер на рейде» пели повсюду — на передовой, в теплушках, землянках... «Подмосковные вечера», «Вечерняя песня», «О России», «Студенческая попутная», «Что нам ветры» звенели молодыми голосами, звали на далекие стройки, помогали в испытаниях первооткрывателям.

И сегодня, в день 80-летия народного композитора, мы отдаем ему благодарную дань любви, уважения и глубокой признательности.

Ниже публикуется слово о друге известного поэта Михаила МАТУСОВСКОГО, в творческом содружестве с которым написаны многие песни Соловьева-Седого.

Однажды я приехал в Ленинград, чтобы принять участие в творческом вечере Василия Павловича Соловьева-Седого. Не помню уж, по какой причине я опоздал, но так уж вышло, что попал в Дом культуры, когда концерт начался. Я стоял за кулисами, ожидая удобного момента в перерыве между двумя номерами, чтобы выйти на сцену, и сквозь проrez в занавесе смотрел в зал. В зале было мало слушателей.

— Неужели ленинградцы разлюбили песни Василия Павловича? — спросил я даму из правления Союза композиторов, стоявшую со мной рядом.

— Что вы хотите? — отвечала она невозмутимо. — Соловьев-Седой давно вышел из моды. Сегодня пользуются успехом другие песни...

Я счастлив, что те слова не оправдались. Прошло немало времени с того разговора, отзвучали всяческие «ча-ча-ча», а песни Соловьева-Седого по-прежнему пленяют нас своей чистотой, мелодичностью, оригинальностью ритмического рисунка и, не боясь тавтологии, скажу — своей песенностью!

Совсем недавно я слушал по телевидению очередную передачу «Песня-87». Меня тревожило обилие монотонных, крикливых, шумных, однообразных номеров, которые не то что петь, а слушать-то было трудно. И какое же истинное наслаждение получаешь, попадая в мир мелодий Соловьева-Седого!

Нет, творчество Василия Павловича — не вчерашний, а завтрашний день песни! У него многому стоит поучиться и молодым композиторам, и нынешним исполнителям! Прежде всего в его музыке вокали-

сту есть что петь, а в песне это едва ли не самое главное. Его песни хочется петь не только на эстраде, а дома, в кругу семьи. Давайте вспомним хотя бы некоторые: «Соловьи», «На солнечной поляночке», «Давно мы дома не были», «Где же вы теперь, друзья-однополчане?», «Поет гармонь за Вологдой», «Услышь меня, хорошая»... Каждая из этих песен подлинная жемчужина, а ведь я назвал лишь несколько.

Каким же был их автор? Веселым, жизнерадостным, остроумным, общительным.

Стоило ему приехать куда-нибудь в военную часть или на завод, как возле него образовывался круг людей, с которыми он успевал сразу же и познакомиться, и подружиться. И вот он уже договаривается с кем-то идти на рассвете за грибами или на рыбалку в заветное местечко, где всегда хорошо клюет...

В нем напрочь отсутствовали позерство и самодовольство. Не обделенный самыми высокими званиями и наградами, он был естествен, прост, открыт, внимателен к людям. А людей не обманешь. Они всегда чувствуют, где искренность, а где желание понравиться. И на сцене он вел себя раскованно, обменивался репликами с сидящими в зале, с нескрываемым, чуть ли не детским удовольствием пел свои песни вместе со всеми.

Его облик никак не вяжется с унынием, хандрой, плохим настроением. Трудно было поверить, когда Василий Павлович тяжело захворал. Хотелось надеяться, что это, быть может, нелепая медицинская ошибка. Он уже лежал в больнице, когда жена его Татьяна Давыдовна позвонила в Москву и сказала, что Вася хочет нас видеть. Мы с женой немедленно приехали в Ленинград.

Вам знакомо, вероятно, чувство, когдаходишь в больницу палату и не знаешь, с чего начать разговор. Василий Павлович лежал в кровати чуть раздвинутой от температуры, вовсе не казавшийся смертельно больным. За время болезни он отпустил усы — красивые, золотистые, совсем не тронутые сединой. Преодолевая первую робость, я сказал: «Васенька, ты похож на кого-то из «песняров». Соловьев-Седой и тут оказался верным себе. «Не на одного «песняра», а на весь ансамбль сразу», — живо отозвался он. И завязался разговор увлекательный, интересный.

Я уходил из палаты, с трудом, сквозь слезы различая все вокруг и понимая, что в последний раз вижу человека, с которым нас связывала долгая творческая дружба.

Все, что я сказал здесь, не юбилейные слова. Об этом я думаю часто, об этом говорю, встречаясь с друзьями советской песни. Василий Павлович всегда остается со мной. Как и со всеми, кто хоть однажды прикоснулся к его песне, к его музыке!